

УДК 371.1(091)(571.122) + 331.56(091)(571.122)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

Кирилюк Д.В.

«ЭХО ВОЙНЫ» В ЮГРЕ:
ПРОБЛЕМА УЧИТЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ В 1945–1955 гг.

D.V. Kirilyuk

«ECHO OF THE WAR» IN UGRA:
THE PROBLEM OF TEACHER UNEMPLOYMENT IN 1945–1955

Аннотация. Исследование посвящено изучению одной из самых актуальных в отечественной исторической науке тем – влиянию последствий Великой Отечественной войны на послевоенное развитие советского общества. Автор на основе методов анализа и синтеза, историко-генетического и статистического методов, а также метода интервью предпринимает попытку выявить проявления и последствия «эха войны» применительно к системе школьного образования Ханты-Мансийского национального округа. Главная цель исследования состоит в поиске ответа на вопрос, существовала ли в регионе, также, как и в других областях СССР, в первое послевоенное десятилетие проблема трудоустройства учителей, вызванная сокращением количества детей школьного возраста. В статье последовательно проанализированы основные показатели развития школьного образования Югры в 1945–1955 гг., такие как изменение общей численности школ, соотношения различных типов школ и количества учащихся в них. В результате этого в исследовании выявлено существенное несоответствие между уменьшением в 1950–1955 гг. общего числа школ в регионе и заметным ростом количества учителей, что по мнению автора, доказывает наличие в первой половине 1950-х гг. учительской безработицы в регионе. Местные власти пытались исправить данную ситуацию, но не имели для этого достаточных полномочий. Вместе с тем, делается вывод о том, что степень влияния безработицы в Ханты-Мансийском национальном округе на разные категории учителей не была одинаковой. Наиболее сильно безработица затронула в 1952–1955 гг. условия работы учителей начальных школ, а наименее заметной она была среди учителей национальных школ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Югра, учитель, школа, трудоустройство, безработица, демографическая яма, «эхо войны».

Abstract. The research is devoted to the study of one of the most relevant topics in Russian historical science – the impact of the Great Patriotic War consequences on the Soviet society post-war development. Based on the methods of analysis and synthesis, historical and genetic and statistical methods, as well as the interview method, the author attempts to identify the signs and consequences of the “echo of the war” in relation to the Khanty-Mansiysk National okrug school system. The main purpose of the research is to find an answer to the question whether the teacher employment problem existed in the region, as well as in other USSR regions, in the first post-war decade caused by a decrease in the number of school-age children. The article consistently analyses the main indicators of the development of school education in Ugra in 1945–1955, such as the change in the total number of schools, the ratio of different types of schools and the number of students in them. As a result, the research revealed a significant discrepancy between the decrease in the total number of schools in the region in 1950–1955 and a noticeable increase in the number of teachers, which, according to the author, proves the presence of teacher unemployment in the region in the first half of the 1950s. The regional authorities tried to remedy this situation, but did not have sufficient rights to do this. By the way, the author concludes that the influence level of unemployment in the Khanty-Mansiysk National okrug on different categories of teachers was not the same. In 1952–1955, unemployment affected the working conditions of primary school teachers the most, and it was least noticeable among teachers of national schools.

Keywords: The Great Patriotic War, Ugra, teacher, school, employment, unemployment, demographic pit, «echo of the war».

Сведения об авторе: Кирилук Денис Валериевич, ORCID: 0000-0003-3898-2786, канд. ист. наук, бюджетное учреждение высшего образования ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет», г. Сургут, Россия, DenKirilyuk@yandex.ru

About the author: Denis V. Kirilyuk, ORCID: 0000-0003-3898-2786, Candidate of Historical Sciences, Surgut State University, Surgut, Russia, DenKirilyuk@yandex.ru

Кирилук Д.В. «Эхо войны» в Югре: проблема учительской безработицы в 1945–1955 гг. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 57-70. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

Kirilyuk, D.V. (2024). «Echo of the War» in Ugra: the Problem of Teacher Unemployment in 1945–1955. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 57-70. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/06>

В современной отечественной историографии истории советского школьного образования все чаще появляются исследования, посвященные изучению проблем, которые ранее, в силу ряда причин идеологического характера либо специфики источниковой базы, не находились в центре внимания ученых-историков. В числе малоизученных вопросов по-прежнему можно назвать учительскую безработицу в Советском Союзе, достигшую своего апогея в середине 1950-х годов. Она стала одним из наиболее болезненных последствий Великой Отечественной войны, признаком так называемого «эха войны», отразившегося в системе народного образования страны проблемой не родившихся в 1941–1945 гг. детей.

Общие контуры масштабов трудностей, с которыми столкнулись школы страны в связи со снижением рождаемости представлены в исследовании Г.М. Ивановой. Согласно ее сведениям, в 1955 г. количество детей в возрасте 7–13 лет столь существенно сократилось, что составляло всего 60% от уровня 1940 г. Даже в группе детей от 0 до 6 лет (то есть рожденных в 1949–1955 гг.) наблюдалось некоторое уменьшение – в сравнении с последним довоенным годом количество таких детей составляло 98%. Рост же количества учащихся в 1955 г., по сравнению с 1940 г., наблюдался только в старшей возрастной группе (14–17 лет) – 116%, что было связано не только с тем, что они были рождены до войны, но и с присоединением к СССР новых территорий накануне 1941 года.

В целом, общее количество детей в стране в возрасте 0–17 лет сократилось на данном хронологическом отрезке с 79,2 млн. до 67,8 млн. чел (86%). Вследствие этого в середине 1950-х годов свыше 150 тыс. учителей начальных классов работали не по специальности, из них не менее 50 тыс. человек активно добивались возвращения на педагогическую работу [6, с. 115, 217].

Изучение влияния данных изменений на повседневную работу системы школьного образования советских регионов в настоящее время представлено лишь отдельными публикациями. Например, историки Г.В. Кретинин и Л.М. Фуксон признают, что в середине 1950-х гг. школы стали испытывать на практике последствия Великой Отечественной войны, а именно сокращение количества учащихся 5–7 классов [27, с. 120].

Однако и они не показывают примеры данных изменений на конкретной территории – Калининградской области.

Вместе с тем, представляется чрезвычайно важным проследить влияние «демографической ямы», вызванной последствиями трагических событий 1941–1945 гг., в удаленной советской провинции, регионах, подобных Ханты-Мансийскому национальному округу, поскольку они, находясь в это время на периферии демографической и социально-экономической истории Советского Союза, позволяют выявить наиболее характерные черты данных процессов.

Доказательная база исследования основана на комплексе делопроизводственных и статистических материалов Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования за 1945–1955 гг., хранящихся в Государственном архиве Югры. Источниками работы послужили также свидетельства учителей региона, опубликованные в сборниках воспоминаний жителей края, дополненные интервью Д.В. Кирилюка с бывшими педагогами 1950-х годов – Л.Е. Пачгановой и М.К. Волдиной. Ведущими методами в работе выступили историко-генетический и статистический методы, метод интервью, а также общенаучные методы анализа и синтеза, позволившие всесторонне изучить проблему учительской безработицы в округе и систематизировать полученные данные.

Статистические сведения об основных показателях развития школьного образования на территории Югры в рассматриваемый период времени, на первый взгляд, не позволяют увидеть прямые последствия пережитой советским обществом войны (см.: табл. 1).

Таблица 1

Численность школ и учащихся в Ханты-Мансийском национальном округе в 1945–1955 гг.

[Составлено по: 11, л. 1; 13, л. 6; 14, л. 2-5; 23, л. 15-16, 24, 26; 25, л. 1]

	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1955 г.	Процент изменения
Общее количество школ в крае, в т.ч.:	257 (100%)	264 (100%)	250 (100%)	232 (100%)	- 9,7%
Начальных школ	204 (79,4%)	198 (75%)	178 (71,2%)	161 (69,4%)	- 21,1%
Семилетних школ	47 (18,3%)	59 (22,3%)	64 (25,6%)	59 (25,4%)	+ 25,5%
Средних школ	6 (2,3%)	7 (2,7%)	8 (3,2%)	12 (5,2%)	+ 100%
Городских школ	5	14	10	12	+ 120%
Сельских школ	252	250	240	220	- 12,7%
Общее количество учащихся в школах	18013 чел.	19175 чел.	17013 чел.	15790 чел.	- 12,3%
Среднее количество учащихся в школе	70 чел.	73 чел.	68 чел.	68 чел.	- 2,9%

Как видно из данных таблицы 1, период 1945–1950 годов был временем поступательного совершенствования всех сторон системы школьного образования Ханты-

Мансийского национального округа. В первую очередь, это выразалось в росте общего числа школ, увеличении в их структуре количества семилетних, средних и городских общеобразовательных учреждений за счет снижения числа начальных сельских школ. Наряду с этим, возрасало количество учащихся в учебных заведениях общего образования региона. Очевидно, что данные успехи достигались за счет возвращения страны к мирной жизни и повышения внимания государства к проблемам образования населения.

Увеличение числа школ и количества учащихся тем более показательны, учитывая тот факт, что уже в первые послевоенные месяцы территорию Югры стали покидать дети, эвакуированные сюда в годы Великой Отечественной войны. Наиболее значительным явлением в данном смысле было возвращение домой детей блокадного Ленинграда. По данным К.Г. Букрениной, в 1944 году в Ханты-Мансийском национальном округе проживало не менее 1220 ленинградских детей, которые в июне 1945 г. стали возвращаться домой [3, с. 71-72].

Поэтому можно утверждать, что реальный рост количества учащихся из числа местного населения был существенно большим. Он достигался прежде всего за счет ужесточения позиции государственно-партийных органов в отношении детей и подростков, которые не ходили в школу. Например, в 1951/52 уч.г. школы и партийно-хозяйственные работники Ларьякского района были жестко раскритикованы за невыполнение плана по всеобщему охвату обучением детей, а именно, за то, что два ученика из 1036 школьников этой территории решением Нижневартовского сельсовета вместо школы были направлены на лесозаготовки. Более того, в выводах Ларьякского районного отдела образования стало звучать требование не допускать отсева из школ без уважительной причины ни одного учащегося [21, л. 36-37, 48].

Второй не менее важной причиной роста количества обучающихся в югорских школах и увеличения с связи с этим в 1945–1950 гг. среднего числа учащихся в отдельной школе было то, что в местные учебные заведения во второй половине 1940-х годов продолжали поступать учащиеся, рожденные в довоенное время, отличавшееся высокой рождаемостью в стране. Но к концу десятилетия в школы Советского Союза в целом и Ханты-Мансийского национального округа в частности, стали приходить дети, родившиеся уже в годы войны. Это привело к серьезным проблемам в деятельности начальных школ, которые являлись самым массовым типом учебных заведений в Югре. Не случайно их число уже к концу 1940-х годов сократилось на 6 единиц.

Однако настоящие трудности, как следует из данных таблицы 1, начались в системе школьного образования Ханты-Мансийского национального округа в первой половине 1950-х годов. Школьная сеть в крае стала стремительно сокращаться, в итоге за 10 лет уменьшившись на 9,7%. На первый взгляд, можно предположить, что речь идет о продолжении объективного процесса уменьшения числа начальных школ под воздействием возрастания количества неполных средних и средних общеобразовательных учреждений. Их число действительно сократилось более чем на 21%. Однако эти же данные указывают

и на то, что в 1950–1955 гг. прекратился также рост семилетних школ и только количество средних школ выросло почти в два раза – с 7 до 12 учебных заведений. То есть очевидно, что данные изменения не были связаны с реализацией государственной политики по переходу ко всеобщему семилетнему обучению, начатой в конце 1940-х годов, так как число этих школ также перестало расти.

Не может быть в полной мере это снижение объяснено и государственной политикой по укрупнению колхозов, проводившейся в период позднего сталинизма. Несмотря на то, что часть школ в Ханты-Мансийском национальном округе действительно была закрыта на рубеже 1940-х – 1950-х годов по данной причине [21, л. 57], она не объясняет тот факт, что в эти же самые годы произошло наиболее серьезное снижение общей численности учащихся местных школ. В первой половине 1950-х годов она уменьшилась на 17,7%, полностью нивелировав рост второй половины 1940-х годов. Общее снижение количества обучающихся по итогам десятилетия составило 12,3%. Среднее же число учащихся в одной школе в 1955 г. оказалось даже меньшим, чем в 1945 г.!

Возможно также предположить, что столь значительные изменения были вызваны особым, ссыльным статусом территории Ханты-Мансийского национального округа в данные годы. Исследования Н.И. Загороднюк, А.С. Иванова и Л.В. Алексеевой [1; 2; 4; 5; 7; 8] показывают, что край в 1930-е годы стал местом ссылки большого числа раскулаченных крестьян из разных областей страны, а в 1940-е годы в регион также были высланы представители многих депортированных народов – финны, молдаване, немцы, калмыки и др. Тем не менее, по сведениям А.С. Иванова, реальный процесс возвращения на малую родину бывших спецпереселенцев был значительно растянут во времени, вплоть до конца 1950-х годов [8, с. 121-123]. Поэтому сам по себе он не может объяснить существенного сокращения количества югорских учащихся уже в 1950–1953 гг. на 2 тыс. человек. Все вместе взятое заставляет говорить о том, что единственным возможным объяснением данным изменениям была «демографическая яма» и уменьшение на 3,5 тысячи человек (17,7%) количества учащихся в Югре – это реальные последствия войны для народонаселения отдельно взятого, удаленного советского региона.

Данная точка зрения находит многочисленные подтверждения в документах рассматриваемого времени. В отдельных справках Ханты-Мансийского окружного отдела народного образования уже в 1951 г. говорилось о том, что в некоторых населенных пунктах контингент детей школьного возраста составлял всего 5–8 человек, что и вызывало необходимость «эти карликовые школы закрыть» [15, л. 51]. Не случайно, в списке закрытых начальных школ только в 1955/1956 уч. г. окружным отделом народного образования перечислялись 11 подобных учебных заведений, еще ряд начальных школ были объединены. Во всех случаях главной причиной этих преобразований вновь называлась малочисленность учащихся [24, л. 71].

Остановимся теперь на вопросе о том, как изменилась численность педагогических работников в Ханты-Мансийском национальном округе в первое послевоенное десятилетие.

Представленные в таблице 2 сведения однозначно указывают на то, что в 1945–1955 гг. на территории Ханты-Мансийского национального округа произошел существенный рост не только общей численности учителей (+37,3%), но также не менее заметное повышение уровня их квалификации. Наиболее значительным было увеличение количества педагогов с высшим образованием (+134,1%), а также со средним и средним специальным образованием (+66,5%). На этом фоне серьезно сократилось число учителей, не имевших законченного среднего образования. К середине 1950-х годов такие педагогические работники составляли уже несущественную величину – 1,4%.

Таблица 2

Педагогические кадры Югры в 1946–1955 гг.
[Составлено по: 12, л. 17; 16, л. 228; 22, л. 1; 26, л. 110]

	1946 г.	1950 г.	1952 г.	1955 г.	Процент изменения
Всего учителей	837 чел. (100%)	1024 чел. (100%)	1089 чел. (100%)	1149 чел. (100%)	+37,3%
Из них женщин	698 чел. (83,4%)	817 чел. (79,8%)	860 чел. (79%)	865 чел. (75,3%)	+23,9%
С высшим образованием	44 чел. (5,3%)	65 чел. (6,3%)	83 чел. (7,6%)	147 чел. (12,8%)	+134,1%
Со средним и средним специальным образованием	592 чел. (70,7%)	908 чел. (88,7%)	975 чел. (89,5%)	986 чел. (85,8%)	+66,5%
С неполным средним образованием	101 чел. (12,1%)	51 чел. (5%)	31 чел. (2,8%)	16 чел. (1,4%)	-84,2%

Данные успехи были, конечно же, связаны с деятельностью советских университетов, педагогических институтов и педагогических училищ, которые в эти годы существенно увеличили выпуск студентов. Например, как утверждает Г.М. Иванова, только в 1946–1950 гг. сеть учительских институтов возросла в Советском Союзе со 107 до 140 учреждений, а количество студентов в них – с 26 до 49 тысяч. В 1953 г. в РСФСР насчитывалось также 86 пединститутов с общим числом студентов 94 тыс. человек [6, с. 210]. Благодаря существовавшей в СССР системе распределения на работу молодых специалистов, часть выпускников педагогических учебных заведений страны оказывалась и на территории Югры. Кроме того, свою важную роль продолжало играть Ханты-Мансийское педагогическое училище, осуществлявшее подготовку учителей для начальных классов, в том числе и национальных школ.

Вместе с тем, сравнение материалов таблиц 1 и 2 показывает, что имелось заметное несоответствие между уменьшением на 9,7% общего количества школ в крае и увеличением на 37,3% числа местных педагогов. Даже с учетом начала в конце 1940-х гг. государственной политики по переходу ко всеобщему семилетнему обучению столь

существенная разница в цифрах ставит вопрос о наличии в Югре в первой половине 1950-х гг. серьезных проблем с трудоустройством учителей. Об этом же свидетельствует и прекращение в округе в данные годы роста числа семилетних школ, которые могли бы быть местом работы для молодых педагогов. Появление же в регионе шести новых средних школ не могло автоматически способствовать устройству на работу более чем 300 новых учителей.

В связи с этим актуальным является вопрос о том, насколько власти Ханты-Мансийского национального округа осознавали данную проблему в первое послевоенное десятилетие и пытались ли каким-то образом ее решить. К сожалению, документы, посвященные обсуждению этой темы, хранящиеся в материалах окружного отдела народного образования, носят единичный характер. Судя по имеющимся у нас материалам, о влиянии Великой Отечественной войны на изменение количества учащихся в Югре руководство региона всерьез задумалось на рубеже 1940-х – 1950-х годов. В начале 1951 г. окроно подготовил специальную справку о количестве детей, родившихся в округе в 1944–1948 годах. Формат справки указывал на то, что местные власти интересовало именно число будущих первоклассников в школах Среднего Приобья в первой половине 1950-х гг.

Данные таблицы 3 свидетельствуют, что школьное руководство Ханты-Мансийского национального округа ожидало значительного увеличения числа первоклассников в регионе только к середине 1950-х гг. Общий рост количества учащихся и числа классов-комплектов в первых классах в системе образования края должен был составить за 5 лет 81,3%. До этого времени основные трудности в связи с нехваткой детей, рожденных в первой половине 1940-х годов, несли учителя начальных школ, которые, как показано в таблице 1, составляли в 1945–1953 гг. свыше 70% всех учебных заведений региона.

Таблица 3

Количество югорских детей, рожденных в 1944–1948 гг.

[Составлено по: 15, л. 81]

	1944 год рождения 1951/52 уч.г.	1945 год рождения 1952/53 уч.г.	1946 год рождения 1953/54 уч.г.	1947 год рождения 1954/55 уч.г.	1948 год рождения 1955/56 уч.г.
Общее количество детей (чел.)	1182	1303	1759	2102	2143
Число классов	59	65	88	105	107

Не случайно, в начале 1950-х годов в информационных отчетах районных отделов народного образования впервые стали возникать сюжеты о проблемах занятости югорских педагогов. Так, в отчете Березовского района за 1952/1953 уч.г. даже появился специальный пункт «трудоустройство освобожденных учителей». Его информация дает представление о том, как решался вопрос с «лишними» педагогами в системе народного образования края, и каких основных принципов придерживалось в решении этой проблемы школьное руководство округа. В связи с сокращением трех начальных школ и классов-комплектов в

Березовском районе были освобождены от работы учителя, не имевшие законченного педагогического образования. Уволенные педагоги работали продавцами, в лесной промышленности, одна из бывших учительниц устроилась на работу методистом в райпедкабинете [21, л. 208-209].

Схожая информация была представлена в отчете Ханты-Мансийского окрисполкома о ходе учебных занятий в школах округа в 1952/1953 уч.г., в котором отмечалась существовавшая в регионе практика комплектования семилетних школ Югры учителями, «выдвинутыми из начальных классов». Окружные власти подчеркивали, что не все из этих педагогов соответствовали по своему образованию и опыту работы новым задачам [19, л. 138]. То есть государственно-партийное руководство на местах допускало увольнение в первую очередь низкоквалифицированных учителей, стараясь сохранить в школе педагогов со средним или высшим образованием. Часть школьных работников правильно восприняла данную политику и стала охотнее поступать в близлежащие педагогические учебные заведения [21, л. 208].

Тем не менее, проблемы с трудоустройством на работу в школы округа учителей продолжали нарастать. В одной из справок о состоянии учительских кадров Югры, относящейся к 1955 г., было отмечено, что выпускников Ханты-Мансийского педагогического училища округ не может устроить на работу, так как вакантных мест в школах региона не имелось, а педучилище ежегодно выпускало более 70 чел. [24, л. 2].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что власти округа к середине 1950-х гг. были хорошо осведомлены о существовании трудностей с поиском работы у выпускников главного педагогического учебного заведения региона. Более того, они пытались как-то справиться с этой проблемой. С данной целью, как отмечалось в справке, они неоднократно обращались в вышестоящие инстанции с просьбой «об уменьшении приема на 1-ые курсы», но вопрос оставался неразрешенным [24, л. 2-3].

В результате этого, часть выпускников педучилища трудоустроивались в детские сады, культурно-просветительские учреждения, в школы с недельной нагрузкой 4–6 часов, учителями пения, рисования, уезжали на учебу и т. д. Поэтому вторым способом решения проблемы, по мнению окружного отдела народного образования, было открытие при Ханты-Мансийском педучилище других отделений: библиотечного, пионервожатых, учителей рисования, пения, физкультуры. Работников данных специальностей Тюменский областной отдел народного образования присылал из других районов области, хотя острого недостатка в них в Югре не наблюдалось [24, л. 3], тем самым еще больше сокращая возможности для трудоустройства местных кадров.

Обобщая озвученные идеи, можно сказать, что местные государственно-партийные органы предлагали одновременно использовать два способа решения вопроса: первый, самый простой и дешевый, заключался в сокращении числа будущих педагогов. Второй предполагал открытие при педучилище отделений по другим учительским специальностям. Однако, осуществить обе идеи на практике в условиях централизованной государственной

системы подготовки кадров в СССР оказалось непростой задачей, что только усугубляло проблему учительской безработицы в Югре.

Еще одной важной стороной изучаемой темы является восприятие данной ситуации самими учителями региона. К сожалению, нужно признать, что опубликованные сборники воспоминаний педагогов Тюменского Севера разных лет обходят стороной сам факт существования этого вопроса [10; 28; 29]. Многочисленные социально-экономические трудности, которые переживали в Ханты-Мансийском национальном округе педагоги в данные годы, не оставили места в их памяти проблеме безработицы как сколько-нибудь существенной. Вместе с тем, документы середины 1950-х годов указывают, что студенты педучилища были недовольны сложившейся ситуацией [24, л. 3].

Для прояснения позиции югорских учителей середины прошлого столетия нами были взяты два интервью у ветеранов педагогического труда региона – Л.Е. Пачгановой, работавшей в 1955–1991 гг. в целом ряде школ Сургутского и Ханты-Мансийского районов, а также с М.К. Волдиной, чей профессиональный путь также начался в середине 1950-х гг. в системе образования Тюменского Севера. Несмотря на различия в полученных ответах, они дают хорошую возможность сформулировать правильную оценку степени распространения учительской безработицы в округе.

По воспоминаниям Л.Е. Пачгановой, закончившей в 1955 г. Ханты-Мансийское педагогическое училище, и долгие годы работавшей в системе образования региона, после окончания педучилища у их выпуска имелись большие проблемы с трудоустройством. Лишь те учителя, у которых мужья или родственники работали начальниками, например, в леспромхозах, могли устроиться на работу в нормальную школу. Остальных «отправляли в Тмутаракань». Нередки были случаи, когда учителя, чтобы не быть уволенными из школы, соглашались делить одну ставку со своими коллегами. Многие трудоустроивались в детские сады, заведующими клубами, лишь бы не сидеть без работы [31]. Благодаря этому немалая часть выпускников педагогических заведений сумела на длительную перспективу остаться в системе школьного образования края.

С другой стороны, М.К. Волдина, которая закончила в это же самое время Ханты-Мансийское педагогическое училище, не смогла вспомнить подобных фактов и сообщила, что проблем с трудоустройством у нее и ее подруг не было [30]. Возникает вопрос о том, как обобщить взаимоисключающие воспоминания одного хронологического периода. На самом деле, данное противоречие можно объяснить, если учитывать тот факт, что в системе школьного образования Югры имелся целый ряд национальных школ, для работы в которых требовались специально подготовленные учителя, знающие языки коренных народов Севера.

На протяжении всех первых послевоенных лет в отчетах окружного отдела народного образования неоднократно звучала мысль о том, что таких педагогов в регионе продолжало не хватать. К примеру, в 1956 г. во всех национальных и смешанных школах и интернатах

Березовского района Ханты-Мансийского национального округа работали 179 учителей и воспитателей, но лишь 48 педагогов (26,8%) владели родным языком учащихся. В Самаровском районе в это же самое время из 15 учителей и воспитателей национальных школ ни один не знал в совершенстве языка коренных народов [24, л. 30, 31].

Заметные проблемы в первой половине 1950-х гг. имелись и в Кондинском районе, где в 22-х национальных школах обучение на языке манси не проводилось, т.к. ни один из учителей его не знал, даже несмотря на то, что многие из них сами по национальности относились к этому народу [21, л. 6]. Окружной отдел народного образования ожидал, что Ханты-Мансийское педагогическое училище начнет выпускать учителей, владеющих языками коренных народов Севера, только с 1954 г. [21, л. 62]. В связи с этим, отсутствие в воспоминаниях М.К. Волдиной сюжетов об учительской безработице может объясняться тем, что у нее, как у педагога из числа ханты и знавшей язык этого народа, имелось больше возможностей для работы на территории округа.

Ко всему прочему, многие из национальных школ округа располагались в удаленной сельской местности и были хуже укомплектованы учительскими кадрами из-за отсутствия желания учителей ехать в эти школы, опасавшихся не только трудностей работы с детьми коренного населения, но также и менее благоприятных материальных и бытовых условий [21, л. 212]. Те же, кто соглашались на такую работу, могли в дальнейшем не переживать за свое рабочее место.

Наконец, важно понимать, что период учительской безработицы был в Югре довольно коротким, т.к. еще в начале 1950-х годов в округе отмечалась нехватка педагогов в ряде школ, и вновь прибывающие молодые специалисты быстро находили себе работу в местных учебных заведениях. Постоянно не хватало учителей-предметников, особенно учителей русского и иностранного языков, физики, биологии, химии, географии, математики. Всего только к началу 1953/54 уч.г. округу не хватало 21 педагога [18, л. 158; 19, л. 122, 138; 20, л. 99, 141-142; 21, л. 55, 109, 233-234, 266].

Эта нехватка в свою очередь лишь усугублялась высокой текучестью учительских кадров в регионе, вызванной неблагоприятными социально-бытовыми условиями их работы. Особенно острым на протяжении всего рассматриваемого периода был «квартирный вопрос». Заведующие ряда небольших начальных школ округа часто жили в зданиях вверенных им школ, а их жизненное пространство составляло 3–4 квадратных метра [15, л. 3]. Многим педагогам по несколько лет приходилось жить, не имея даже отдельной кровати! [9, с. 280]. Показательно, что и в окружной столице г. Ханты-Мансийске в начале 1950-х годов 17 учителей нуждались в квартирах [17, л. 113].

Комплекс вышеуказанных обстоятельств способствовал тому, что вакансии педагогов в школах Ханты-Мансийского национального округа в 1945–1955 годах время от времени появлялись, еще более усиливаясь фактами неявики в Югру педагогов, распределенных из других областей страны [17, л. 124]. А во второй половине 1950-х гг., в связи с началом

широких геологических изысканий в регионе и притоком нового населения, учителей в округе вновь стало не хватать.

Результаты проведенного исследования не оставляют сомнений в том, что на территории Ханты-Мансийского национального округа в первой половине 1950-х годов возникли заметные проблемы, связанные с трудоустройством на работу новых учителей. Так же, как и в других регионах страны, эти проблемы были вызваны сокращением количества детей школьного возраста в Югре на 12,3% в 1945–1955 гг., прежде всего, за счет уменьшения числа учащихся 1941–1945 годов рождения. Дополнительное давление на контингенты школьников края оказывали в данные годы отъезд из Ханты-Мансийского национального округа детей блокадного Ленинграда, и частично – спецпереселенцев.

Это в свою очередь привело к сокращению на 21,1% числа начальных школ и на 9,7% всей школьной сети. На данном фоне общее количество учителей в округе в рассматриваемое время увеличилось на 37,3%, что впервые привело к определенному переизбытку педагогических кадров в регионе, особенно учителей начальных классов, подготовка которых активно велась в Ханты-Мансийском педучилище. Органы власти Югры предпринимали безуспешные попытки повлиять на ситуацию, предлагая уменьшить прием в Ханты-Мансийское педучилище либо расширить перечень подготовки специалистов.

Вместе с тем, совокупность имеющихся материалов свидетельствует, что проблема учительской безработицы на территории Югры не была продолжительной во времени и не являлась повсеместной. Ее проявления были не столь острыми, как в других регионах СССР. Наиболее сильно она затронула учителей начальных школ в 1952–1955 годах, что привело к частичным увольнениям педагогов и их трудоустройству по смежным профессиям. Однако и у них в условиях перехода ко всеобщему семилетнему образованию имелась возможность повысить свою квалификацию и стать учителем-предметником. Еще меньше проблемы поиска работы затронули учителей удаленных национальных школ региона, от которых требовалось знание языков коренных народов. Поэтому во второй половине 1950-х годов в связи ростом численности населения Ханты-Мансийского национального округа вопрос об учительской безработице в крае был фактически исчерпан.

Литература

1. Алексеева Л.В. Репрессированные крестьяне на Севере Западной Сибири в пространстве формирования национальных округов: 1930–1933 гг. (Аспирантура, Бакалавриат, Магистратура). Монография. М.: Русайнс, 2022. 204 с.
2. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2006. 390 с.

3. Букренева К.Г. Эвакуированные ленинградские детские дома в Ханты-Мансийском национальном округе в годы Великой Отечественной войны: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург. 2015. 219 с.
4. Загороднюк Н. Опальная Югра // Родина. 2005. № 12. С. 22-26.
5. Загороднюк Н.И. Формирование спецпоселенческой сети в Северо-Западной Сибири (по материалам Тобольского окружного земельного управления) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1 (105). С. 100-106.
6. Иванова Г.М. Советская школа в 1950–1960-е годы. Москва: Фонд «Московское время», 2018. 432 с., ил.
7. Иванов А.С. «Изъять как антисоветский элемент...»: калмыки в государственной политике (1943–1959 гг.). М., 2014. 294 с.
8. Иванов А.С. Система спецпоселений Югры в послевоенные годы // Накануне "Большой нефти": Югра в послевоенные годы (1945–1950-е гг.). Сборник научных статей Всероссийской научной конференции. 2020. С. 113-126.
9. Из воспоминаний Трофимовой Марии Семеновны // История школы в истории судеб: сборник документов / составители: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: СОКРАТ, 2004. С. 279-281.
10. История школы в истории судеб: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Екатеринбург: «ИД «СОКРАТ», 2004. 336 с.: ил.
11. Казенное учреждение «Государственный архив Югры» (ГАЮ). Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 213.
12. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 247.
13. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 306.
14. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 318.
15. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 320.
16. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 322.
17. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 323.
18. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 325.
19. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 343.
20. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 344.
21. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 346.
22. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 362.
23. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 368.
24. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 376.
25. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 384.
26. ГАЮ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 417.
27. Кретинин Г.В., Фуксон Л.М. Повышение квалификации учителей в 1950-х гг. в Калининградской области // Вопросы истории. 2014. № 12. 120-125.

28. Моя судьба в истории Югры: Сборник документов / Сост.: Е.М. Брагина, Л.В. Набокова. Тюмень: Тюменский дом печати, 2005. 416 с.
29. Памяти магический кристалл: Воспоминания сургутских учителей / Редактор-составитель Ю.А. Дворяшин. Выпуск 1. Екатеринбург: ИД «Сократ», 2001. 136 с.
30. Полевой материал автора: Кирилюк Д.В.: интервью с М.К. Волдиной: записано 31.08. 2019 г.
31. Полевой материал автора: Кирилюк Д.В.: интервью с Л.Е. Пачгановой: записано 18.01. 2019 г.

References

1. Alekseeva, L.V. (2022). Repressirovannye krest'yane na Severe Zapadnoj Sibiri v prostranstve formirovaniya nacional'nyh okrugov: 1930-1933 gg. (Aspirantura, Bakalavriat, Magistratura). Monografiya. M.: Rusajns, 204. (in Russ.).
2. Alekseeva, L.V. (2006). Severo-Zapadnaya Sibir' v 1917–1941 gg.: politicheskaya, ekonomicheskaya i kul'turnaya transformaciya: Monografiya. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 390. (in Russ.).
3. Bukreneva, K.G. (2015). Evakuirovannye leningradskie detskie doma v Hanty-Mansijskom nacional'nom okruge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: diss. ... kand. ist. nauk: 07.00.02. Ekaterinburg, 219. (in Russ.).
4. Zagorodnyuk, N. (2005). Opal'naya Yugra. *Rodina*. № 12, 22-26. (in Russ.).
5. Zagorodnyuk, N.I. (2023). Formirovanie specposelencheskoj seti v Severo-Zapadnoj Sibiri (po materialam Tobol'skogo okruzhnogo zemel'nogo upravleniya). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. № 1 (105), 100-106. (in Russ.).
6. Ivanova, G.M. (2018). Sovetskaya shkola v 1950-1960-e gody. Moskva: Fond «Moskovskoe vremya», 432. (in Russ.).
7. Ivanov, A.S. (2014). «Iz"yat' kak antisovetskij element...»: kalmyki v gosudarstvennoj politike (1943–1959 gg.). 2014, 294. (in Russ.).
8. Ivanov, A.S. (2020). Sistema specposelenij Yugry v poslevoennye gody. *Nakanune "Bol'shoj nefti": Yugra v poslevoennye gody (1945-1950-e gg.)*. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii. 2020, 113-126. (in Russ.).
9. Iz vospominanij Trofimovoj Marii Semenovny. Tekst : neposredstvennyj. *Istoriya shkoly v istorii sudeb: sbornik dokumentov* (2004) / sostaviteli: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg: SOKRAT, 279-281. (in Russ.).
10. Istoriya shkoly v istorii sudeb: Sbornik dokumentov (2004) /Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Ekaterinburg: «ID «SOKRAT», 336. (in Russ.).
11. Kazennoe uchrezhdenie Gosudarstvennyj arhiv Yugry (GAYu). F. R-5. Op. 1. D. 213. (in Russ.).

12. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 247. (in Russ.).
13. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 306. (in Russ.).
14. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 318. (in Russ.).
15. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 320. (in Russ.).
16. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 322. (in Russ.).
17. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 323. (in Russ.).
18. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 325. (in Russ.).
19. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 343. (in Russ.).
20. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 344. (in Russ.).
21. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 346. (in Russ.).
22. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 362. (in Russ.).
23. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 368. (in Russ.).
24. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 376. (in Russ.).
25. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 384. (in Russ.).
26. GAYu. F. R-5. Op. 1. D. 417. (in Russ.).
27. Kretinin, G.V., & Fukson, L.M. (2014). Povyszenie kvalifikacii uchitelej v 1950-h gg. v Kaliningradskoj oblasti. *Voprosy istorii*. № 12, 38-44. (in Russ.).
28. Moya sud'ba v istorii Yugry: Sbornik dokumentov (2005) / Sost.: E.M. Bragina, L.V. Nabokova. Tyumen': Tyumenskij dom pečati, 416. (in Russ.).
29. Pamyati magicheskiy kristall: Vospominaniya surgutskih uchitelej (2001) /Redaktor-sostavitel' Yu.A. Dvoryashin. Vypusk 1. Ekaterinburg: ID «Sokrat», 136. (in Russ.).
30. Polevoj material avtora: Kirilyuk D.V.: interv'yu s M.K. Voldinoj: zapisano 31.08. 2019. (in Russ.).
31. Polevoj material avtora: Kirilyuk D.V.: interv'yu s L.E. Pachganovoj: zapisano 18.01. 2019. (in Russ.).

дата поступления: 12.08.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Кирилюк Д.В., 2024